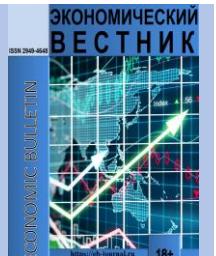

Научно-исследовательский журнал «*Экономический вестник / Economic Bulletin*»
<https://eb-journal.ru>

2025, Том 4 № 4 / 2025, Vol. 4, Iss. 4 <https://eb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 339.727

¹ Гайдук В.М.,

¹ Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации

К вопросу масштабов современного мирового рынка деривативов

Аннотация: цель статьи – оценка масштабов современного мирового рынка деривативов с учетом изменений, происходящих в современной мировой экономике. В статье проанализированы подходы к оценке масштабов современного мирового рынка производных финансовых инструментов (деривативов) в разрезе внебиржевого и биржевого сегментов. Представлены различные стоимостные оценки с учетом изменений на мировом рынке производных финансовых инструментов последних лет, оказывающих влияние на его масштабы. Рассчитан вклад внебиржевого и биржевого рынков по количеству заключенных контрактов, рыночной стоимости контрактов в обращении и среднему ежедневному обороту инструментов. Результаты: выявлена диспропорция между биржевой и внебиржевой частями современного мирового рынка деривативов. Сделаны прогнозы относительно будущих тенденций. Сделан вывод о невозможности на настоящем этапе четкой регламентации и регулирования рынка производных финансовых инструментов прежде всего ввиду его относительной непрозрачности, которая приводит к трудностям и даже к возможности деструктивного воздействия. Полученные результаты исследования могут быть полезны профессиональным инвесторам, использующим производные финансовые инструменты, при выработке их торговых стратегий на финансовом рынке.

Ключевые слова: производные финансовые инструменты, деривативы, биржевые деривативы, внебиржевые деривативы, мировой рынок производных финансовых инструментов, мировой рынок деривативов

Для цитирования: Гайдук В.М. К вопросу масштабов современного мирового рынка деривативов // Экономический вестник. 2025. Том 4. № 4. С. 4 – 13.

Поступила в редакцию: 3 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июля 2025 г.; Принята к публикации: 29 августа 2025 г.

¹ Gayduk V.M.,

¹ Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

On the matter of scale of the modern global derivatives market

Abstract: the purpose of the article is to assess the scale of the modern global derivatives market taking into account the changes taking place in the modern world economy. The article analyses approaches to estimating the size of the global derivatives market within its over-the-counter and exchange segments. Various value estimates are presented, taking into consideration the changes in the global derivatives market in recent years that have influenced its scale. The contribution of the OTC and exchange markets is calculated in terms of the number of contracts concluded, the market value of contracts in circulation and the average daily turnover of instruments. Results: it is revealed that there is a disproportion between the exchange and OTC parts of the modern global derivatives market. Apart from that, forecasts regarding future market trends are made. It is concluded that at the present stage it is impossible to clearly regulate the derivatives market, primarily due to its relative opacity, which can result in difficulties in regulation as well as possible destructive impact of derivatives market. The results of the study can be helpful to professional investors using derivative financial instruments for their trading strategies executed within the financial market.

Keywords: derivative financial instruments, derivatives, exchange-traded derivatives, over-the-counter derivatives, global derivatives market

For citation: Gayduk V.M. On the matter of scale of the modern global derivatives market. Economic Bulletin. 2025. 4 (4). P. 4 – 13.

The article was submitted: May 3, 2025; Approved after reviewing: July 1, 2025; Accepted for publication: August 29, 2025.

Введение

Мировой рынок производных финансовых инструментов (деривативов) уже длительное время находится в фокусе внимания профессиональных инвесторов и аналитиков [1, 2, 3, 4] прежде всего ввиду его широких возможностей и расширяющейся линейки инструментов [20]. Одной из главных отличительных черт мирового рынка деривативов выступает его масштабность. Рынок деривативов – один из крупнейших сегментов мирового финансового рынка, в разы превосходит, например, объемы кредитного и страхового рынков [6].

Однако мнения экспертов по поводу точных совокупных размеров мирового рынка деривативов разнятся. Согласно различным источникам, они варьируются от 800 трлн. долл. до 1,5 квадрлн. долл. [25, 13, 14] Основной причиной такого разброса данных является убежденность ряда экспертов в том, что деривативы как играли, так и продолжают играть ключевую роль в рамках теневого банкинга [7, 27], и поэтому существует огромный пласт статистически неучтенных контрактов. В частности, деривативы могут служить средством для переноса и поглощения риска ликвидности, что и является причиной широты их использования в теневом банкинге [23].

Итак, как же оценить размеры срочного рынка? В целом, для оценки размеров рынка чаще всего применяются три показателя: условная стоимость находящихся в обращении на рынке контрактов, валовая рыночная стоимость данных контрактов и количество контрактов в обращении. Стоит также сделать оговорку о том, что из-за сложности точной оценки совокупного размера рынка деривативов принято оценивать отдельно его внебиржевой и биржевой сегменты. Также причинами для такой дифференцированной оценки являются разные механизмы функционирования и структура данных сегментов, а также различная степень прозрачности информации и зарегулированности в пределах данных рыночных сегментов. Следовательно, актуальность данного исследования предопределена необходимостью получения более точных оценок масштабов современного мирового рынка производных финансовых инструментов с учетом новейших тенденций и проблем его разви-

тия. Научная новизна исследования заключается в использовании традиционных и альтернативных подходов к оценке масштабов современного мирового рынка деривативов и в выявлении современных проблем его развития. На основе новейших статистических данных Международной ассоциации свопов и деривативов и Всемирной федерации бирж поставлена цель сопоставить различные оценки масштабов современного мирового рынка производных финансовых инструментов с учетом выявленных новейших тенденций и проблем его развития.

Результаты исследования будут полезны как профессионалам, так и всем интересующимся современными деривативами.

Материалы и методы исследований

Проведем исследование современного мирового рынка деривативов в разбивке по его основным сегментам.

Обратимся ко внебиржевому сегменту рынка. По оценкам Международной ассоциации свопов и деривативов, условная стоимость, соответствующая количеству внебиржевых контрактов в обращении, составила 667,1 трлн. долл. в конце 2023 года, что на 7,8% выше, чем в конце 2022 года [21]. Стоит заметить, что в первой половине 2024 года значение данного показателя выросло на 9% по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года [25], составив примерно 777,1 трлн. долл. Однако такой рост данного значения в первой половине года часто представляет лишь временное последствие сезонных колебаний, свойственных данному показателю. Так, к концу календарного года условная стоимость может значительно снизиться, поскольку тогда большое число контрактов подлежит погашению. Такая сезонность показателя во многом определяет его неудобство для аналитиков.

Кроме того, данный показатель, как правило, не очень хорошо отражает реальную стоимость инструмента для участников сторон или величину риска, который они принимают на себя. Это обусловлено «переплетением» контрактов на один базисный актив внутри этих 777,1 трлн. долл. Другими словами, в данную сумму заложены деривативы, которые фактически относятся к одним и

тем же активам, но при этом их условная стоимость будет учтена дважды. Кроме того, поскольку деривативы часто используются для хеджирования рисков, существует большая вероятность того, что многие контракты на рынке будут по сути аннулировать друг друга.

Обратимся к биржевому сегменту мирового рынка производных финансовых инструментов. Обычно показателями, по которым оценивают масштаб данной части срочного рынка, выступают: количество заключенных контрактов, рыночная стоимость контрактов в обращении и средний ежедневный оборот инструментов.

Согласно годовому отчету Всемирной федерации бирж, количество заключенных контрактов достигло своего пикового значения за весь период измерений – 180,2 млрд., что на 38,8% выше значения данного показателя в 2023 году, которое в свою очередь ранее считалось самым высоким за последние три года [19]. Такой прирост показателя стал следствием резкого повышения спроса инвесторов на заключение опционных контрактов из-за необходимости хеджирования, что обычно происходит в условиях рыночной неопределенности, геополитической и экономико-финансовой нестабильности [8]. Так, количество биржевых опционов, обращающихся на рынке, увеличилось на 47,7% за 2024 год, а количество фьючерсов – лишь на 3,2% [19].

Что касается рыночной стоимости контрактов в обращении на биржевом сегменте мирового рынка производных финансовых инструментов, последние несколько лет она продолжает неустанно расти. По данным Банка международных расчетов, на конец 2024 года значение данного показателя составило 12,6 трлн. долл. Данное значение также является максимальным за весь период измерений, оказавшись на 11% выше соответствующего значения в предшествовавшем году. Для сравнения, еще в 2019 году данный показатель был на уровне 8,9 трлн. долл., что почти на треть меньше.

Перейдем к анализу структуры мирового рынка деривативов. С географической точки зрения в 2024 году два из трех регионов в рамках биржевого сегмента срочного рынка – азиатско-тихоокеанский и американский – достигли пиковых значений по количеству сделок с производными финансовыми инструментами за последние три года: 31,6 млрд. и 142,6 млрд. торгуемых контрактов, соответственно. В регионе Европы, Ближнего Востока и Африки было заключено лишь 5,95 млрд. сделок [19].

При этом показатели прироста по сравнению с предыдущим годом были специфичны для каждого региона. В то время как азиатско-

тихоокеанском регионе прирост составил 47,8 %, т.е. объем рынка увеличился почти в полтора раза, в регионе Европы, Ближнего Востока и Африки было зафиксировано увеличение на 4,8 %, а в Америке – на 14,2 %.

Рынок Европы, Ближнего Востока и Африки оказался наименее динамичным сегментом мирового срочного рынка, поскольку в 2024 году на данном рынке было заключено лишь 3,3% от количества сделок, заключенных во всем мире. Причем за последние пять лет этот относительный показатель все больше уменьшался за счет более активного роста и развития двух других регионов. Так, еще до экономического кризиса, связанного с пандемией Covid-19, в 2019 году, на долю данного региона приходилось 17,0% от совокупного количества сделок, что, хотя все еще было меньше долей американского и азиатско-тихоокеанского рынков, было более им соразмерно. Тем не менее, надо же кому-то быть отстающим в этой гонке вооружений, предметом которой является, согласно У. Баффету, оружие массового поражения – деривативы.

Результаты и обсуждения

В отношении внебиржевого сегмента мирового рынка производных финансовых инструментов целесообразно использовать альтернативный способ измерения объема рынка деривативов - расчет рыночной стоимости инструментов, то есть того, сколько бы они стоили, если бы расчеты по контрактам проводились на сегодняшний день. Валовая рыночная стоимость контрактов с внебиржевыми деривативами на конец 2023 года составила 18,1 трлн. долл., что оказалось на 12,7% ниже, чем в предыдущем году [24]. При этом снижение данного показателя было во многом обусловлено уменьшением валовой рыночной стоимости процентных деривативов, составляющих основную долю внебиржевых контрактов, по причине замедления темпов ужесточения денежно-кредитной политики США в 2023 году. Данная тенденция к снижению валовой рыночной стоимости инструментов срочного рынка нашла свое проявление и в 2024 году. Показатель снизился еще на 7% к июню 2024 года, оказавшись на уровне 16,8 трлн. долл. [25]

Такая ситуация на рынке была обусловлена продолжением смягчения денежно-кредитной политики, но уже по всему миру. Так, Федеральная резервная система США начала понижать ключевую ставку в сентябре и продолжала ее снижение до конца года [9], что стало явным сигналом уменьшения инфляционного давления. Аналогичным образом Европейский центральный банк

снижал процентные ставки четыре раза в течение 2024 года, а Банк Англии – дважды [5].

Неким исключением стал Банк Японии, который взял курс на положительные процентные ставки, что, хотя и укрепило иену, впоследствии вызвало повышение волатильности на валютных рынках [10]. На фоне этого в 2024 году значительно выросли объемы операций с деривативами на процентные ставки.

Помимо двух описанных выше показателей для внебиржевых инструментов, относительно репрезентативным является их соотношение, взятое на конец календарного года. Однако поскольку данных на конец 2024 года пока нет, сравним эти относительные значения за 2022 и 2023 годы. [22] (ISDA, 2024) Так, можно сделать вывод о том, что в 2023 году отношение стоимости контрактов в

обращении к валовой рыночной стоимости составило 2,7%, оказавшись ниже 3,4% в 2022 году.

Что касается биржевого сегмента мирового рынка производных финансовых инструментов, несмотря на разнообразие в применяемых для оценки размеров сегментов рынка метриках, можно отметить существующую диспропорцию между биржевой и внебиржевой частями срочного рынка. Безусловно, доля внебиржевой торговли резко преобладает над биржевой, но ее рост несколько замедлился в последнее десятилетие, в то время как увеличение масштаба биржевого сегмента разительно ускорилось, что дает основание полагать, что в дальнейшем сегменты станут более сопоставимыми по размеру. Описанную тенденцию можно наблюдать на рис. 1.

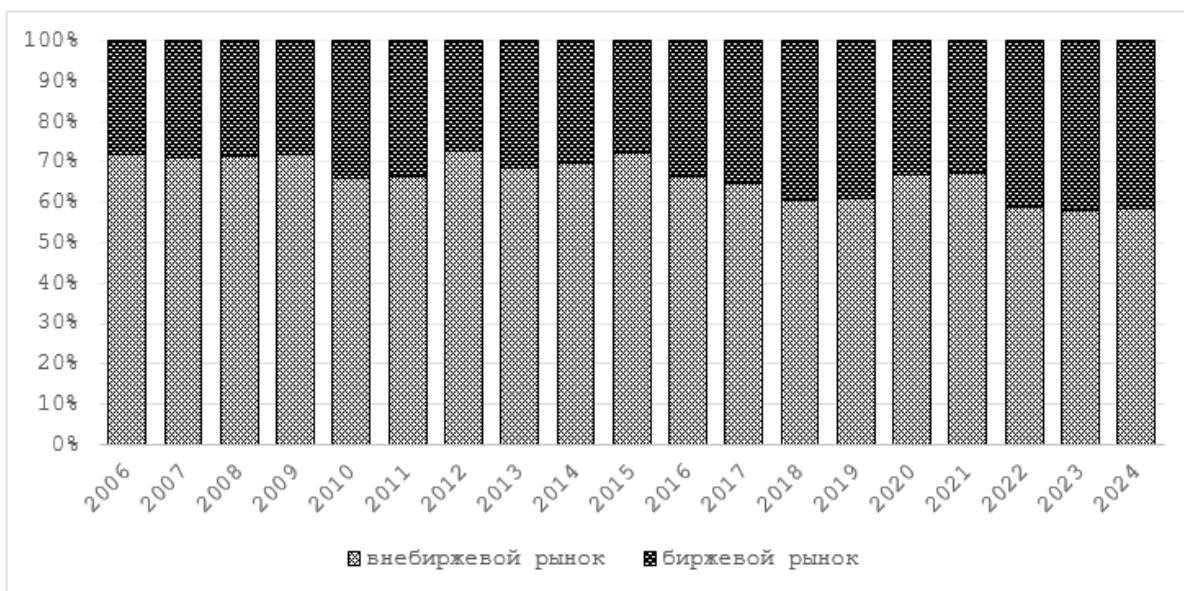

Рис. 1. Доли внебиржевого и биржевого сегментов в объеме рынка производных финансовых инструментов, 2006-2024 гг. Источник: построено автором по данным [17, 26].

Fig. 1. Shares of over-the-counter and exchange segments in the volume of the derivatives market, 2006-2024. Source: constructed by the author based on data from [17, 26].

При анализе структуры мирового рынка деривативов можно утверждать, что динамичная картина роста и развития рынков в абсолютных значениях примет несколько другой вид, если срав-

нить региональные рынки между собой и вывести соответствующие относительные показатели. Пояснением к этому суждению служит рис. 2.

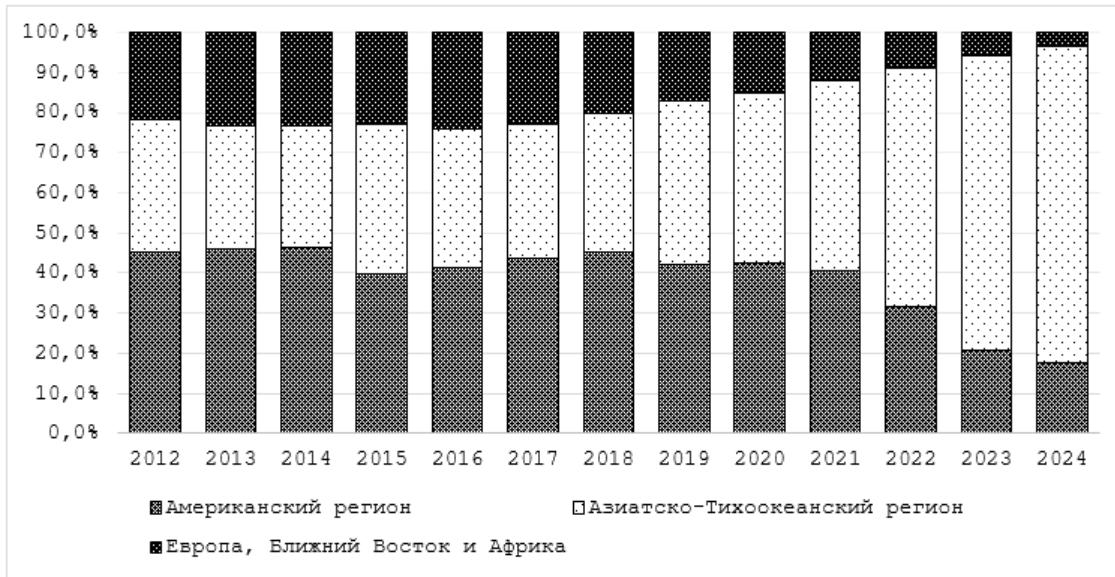

Рис. 2. Доли региональных рынков в объеме мирового рынка деривативов, 2012-2024 гг. Источник: построено автором по данным [18, 19].

Fig. 2. Shares of regional markets in the volume of the global derivatives market, 2012-2024. Source: constructed by the author based on data from [18, 19].

Так, в региональном разрезе явным лидером по количеству сделок с деривативами является азиатско-тихоокеанский регион, в 2024 году на него приходилось 79,2% всех сделок. Вторым по активности на срочном рынке выступает американский рынок с 17,5%. Что интересно, так это то, что еще пять лет назад именно американский рынок держал пальму первенства, хотя тогда разница в значениях была не так велика, как сейчас. Так, в 2019 году на американский и азиатско-тихоокеанский регионы приходилось 42,3% и 40,7% соответственно, но уже в 2021 году расстановка сил на карте срочного рынка переменилась.

Также примечателен тот факт, что рост азиатско-тихоокеанского рынка был относительно постепенным до 2022 года, за который произошло резкое увеличение доли рынка на 14%. Учитывая темпы роста и перспективность финансовых рынков в азиатско-тихоокеанском регионе, скорее всего, разрыв в значениях, характерный для двух рынков, в ближайшем будущем станет еще серьезнее.

Следует отметить, что в последние годы драйвером роста срочного рынка в азиатско-тихоокеанском регионе выступает интенсивно продвигающий финансовые технологии Китай [11]. В Китае действуют пять внутренних бирж деривативов, три из которых вошли в десятку лучших в мире по объему торгов в 2023 году. Это позволило стране стать ведущим мировым рынком фьючерсов и биржевых опционов на сырье, в частности, на сельскохозяйственную продукцию,

цветные металлы и уголь. Также толчок к развитию китайского срочного рынка обеспечило и принятие в 2022 году нового закона о фьючерсах и деривативах. Этот законодательный акт стал важным шагом в развитии рыночной инфраструктуры и повышении ее прозрачности, что в свою очередь увеличило степень международного участия на китайском рынке производных финансовых инструментов. Этот акт скорее всего явился одним из факторов, обеспечивших резкий рост регионального рынка деривативов в 2023-2024 гг.

Если вести речь об инструментарной структуре рынка производных финансовых инструментов в зависимости от базисных активов, можно заметить следующие особенности: во внебиржевом сегменте рынка наблюдается резкое преобладание деривативов на процентные ставки и валютных контрактов. На долю первых приходится примерно 79% внебиржевых контрактов, а на долю вторых – 18%. 3% остатка включают себя кредитные деривативы, контракты на акции, сырье и другие виды базисных активов [24]. Тем не менее, именно на этот остаток пришелся наиболее устойчивый рост в 2024 году. Примером могут выступить сырьевые деривативы на нефть, условная стоимость которых выросла на 21%, [25] по причине необходимости хеджирования рисков, связанных с прекращением поставок топлива через Красное море.

В биржевом сегменте ситуация почти диаметрально противоположная: процентные и валютные деривативы являются наименее распространенными, и на них вместе с контрактами на сырье и

фонды, торгуемые на бирже (ETF), приходится примерно 15%. Остальные 85% составляют контракты, базисным активом которых выступают акции [19]. Причем, хотя доля деривативов на акции всегда была преобладающей на биржевом рынке, темпы ее роста лишь усиливаются в последние годы. Так, в 2019 году на долю контрактов на акции приходился лишь 51% [18].

Если же говорить про абсолютные значения, то в то время как объемы деривативов на акции, процентные ставки и ETF значительно выросли – на

50,2%, 15,4% и 25,8%, соответственно, объемы валютных и сырьевых деривативов снизились, на 56,5% и 4,1%, соответственно [19].

При этом на различных региональных рынках инструменты на конкретные базисные активы пользуются различным спросом. На рис. 3 можно увидеть специфику распределения совокупности контрактов на конкретный базисный актив между тремя описанными выше региональными биржевыми рынками.

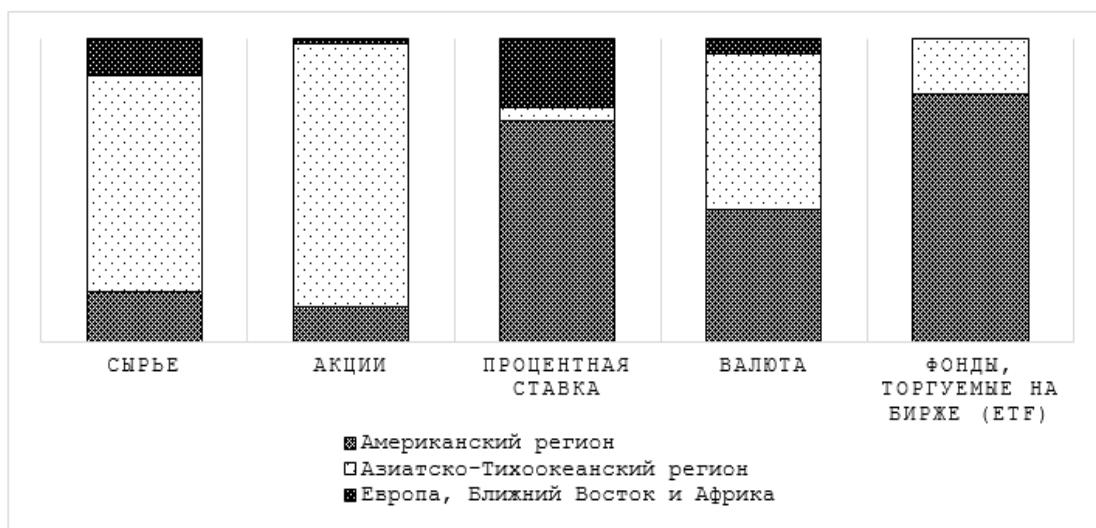

Рис. 3. Доли региональных рынков в объеме торговли контрактами с различными базисными активами, 2024 г. Источник: построено автором по данным [19].

Fig. 3. Shares of regional markets in the volume of trading in contracts with various underlying assets, 2024
Source: constructed by the author based on data from [19].

Так, по относительным показателям, представленным на столбчатой диаграмме, можно сделать вывод о том, что, в то время как большинство деривативов на сырье, акции и валюту торгуется в азиатско-тихоокеанском сегменте срочного рынка, почти все контракты, базисным активом которых являются процентная ставка или ETF, заключаются на американском рынке.

На сегодняшний день с рынком деривативов ассоциируется множество проблем. Проведенный в статье анализ позволил выделить следующие:

- невозможность четкой регламентации и регулирования срочного рынка, в частности, его внебиржевого сегмента;

- относительную непрозрачность рынка, которая приводит к трудностям в определении точных объемов рынка и отражении протекающих на нем операций;

- возможность деструктивного воздействия рынка на состояние национальных валют, как,

впрочем, и на целостность всей финансовой системы в целом.

Несмотря на количество перечисленных проблем, в их корне стоит всего одна проблема – неконтролируемый рост рынка деривативов, который и стал причиной не одного кризиса за последние полвека. Слепая вера большинства участников финансового рынка в стабилизирующий эффект срочного рынка привела к появлению мнения о том, что старая законодательная база лишь стесняет внебиржевой рынок деривативов и не дает ему полноценно хеджировать риски участников мирового финансового рынка, тем самым увеличивая уровень системного риска. Именно по этой причине было принято решение о «снятии оков» с внебиржевого рынка посредством модернизации его регламентации. Так, в 2000 году был принят Закона о модернизации товарных фьючерсов [12], отменивший почти все правовые ограничения на спекуляции с внебиржевыми деривативами, которые существовали до этого.

Однако гипотеза о том, что при deregулировании срочного рынка участники начнут более масштабно и эффективно хеджировать свои риски, была ошибочной. Ослабление регулирования лишь развязало руки спекулянтам, деятельность которых и привела к возникновению спекулятивных пузырей, спровоцировавших мировой финансовый кризис 2007-2009 гг. Так, всего через восемь лет после того, как Закон о модернизации товарных фьючерсов по факту легализовал широкомасштабную спекулятивную торговлю внебиржевыми контрактами, несколько системообразующих компаний, занимавшихся торговлей внебиржевыми деривативами, внезапно обанкротились, что и стало причиной наиболее серьезного финансового потрясения со времен Великой депрессии.

После финансового кризиса 2007-2009 гг. общественность наконец-то в полной мере осознала опасность производных финансовых инструментов, а разумность ранее принятых норм по deregулированию срочного рынка была поставлена под сомнение. Ведь именно в этом сегменте финансового рынка и произошло наибольшее сжатие. По итогам кризиса рост рынка деривативов вышел за пределы национальных экономик, так как сами инструменты уже не участвовали в создании капитала в странах, где производились товары, лежавшие в основе их базисных активов.

Тем не менее, после мирового финансового кризиса темпы роста срочного рынка постепенно замедлились. Это было связано с рядом факторов. Во-первых, осознав всю рискованность инвестиций в инструменты срочного рынка, большинство инвесторов как единоличных, так и институциональных, пересмотрели свои портфели и закрыли позиции на срочном рынке. Во-вторых, по итогам кризиса большинство стран вошли в период затяжной рецессии, а их ВВП значительно снизился, что привело к дальнейшему сжатию срочного рынка. Кроме того, за последнее десятилетие были

проведены значительные реформы в сфере регулирования [15; 16], чтобы сделать рынки деривативов более безопасными и надежными. Серьезным испытанием для реформ стал экономический кризис – последствие пандемии COVID-19 [22].

Выводы

Таким образом, современный срочный рынок характеризуется крупным размером, превышающим уровень мирового ВВП примерно в 10 раз. Это сравнение в очередной раз иллюстрирует риск, представляемый срочным рынком. При этом при сравнении объемов двух сегментов срочного рынка все еще заметна их диспропорция. Внебиржевой рынок по размеру преобладает над биржевым, а невозможность точной оценки его размеров делает данную проблему еще более острой. И хотя в последнее десятилетие рост внебиржевого сегмента несколько замедлился, а увеличение биржевого сегмента в свою очередь стало более активным, неконтролируемый рост срочного рынка все еще представляют собой ящик Пандоры для международных регуляторов.

Пандемия COVID-19, несомненно, нанесла сокрушительный удар по финансовым рынкам. Срочный рынок не стал исключением. Однако первой реакцией рынка деривативов на кризис стало не резкое замедление его роста, а наоборот, бурный рост. Это объяснялось необходимостью хеджирования рисков в условиях экономической неопределенности, сопряженной с пандемией COVID-19.

В целом же несмотря на то, что производные финансовые инструменты и испытывали волатильность и давление ликвидности, характерные для всех сегментов финансового рынка на тот момент, они продолжали функционировать без каких-либо серьезных проблем. По итогу такая устойчивая работа срочного рынка в период эпидемиологического кризиса стала показателем эффективности проведенных реформ.

Список источников

1. Буренин А.Н. Рынок ценных бумаг и производных финансовых инструментов. М.: Научно-техническое общество имени академика С.И. Вавилова, 2009. 418 с.
2. Буренин А.Н. Форвардные, фьючерсные и опционные рынки. М.: Научно-техническое общество имени академика С.И. Вавилова, 2015. 420 с.
3. Буренин А.Н. Форварды, фьючерсы, опционы, экзотические и погодные производные. М.: Научно-техническое общество имени академика С.И. Вавилова, 2005. 540 с.
4. Галанов В.А. Производные финансовые инструменты. М.: ИНФРА-М, 2021. 221 с.
5. Международные валютно-кредитные отношения: в 2-х ч. Часть 2 / под ред. В.Д. Миловидова, О.В. Хмыз. М.: МГИМО-Университет, 2025. 390 с.
6. Международный финансовый рынок / под ред. Е.А. Звоновой, М.А. Эскиндарова. М.: Юрайт, 2019. 453 с.

7. Хмыз О. Институциональные инвесторы на фондовом рынке // Вопросы экономики. 2003. № 8. С. 95 – 101. DOI: 10.32609/0042-8736-2003-8-95-101
8. Хмыз О.В. Глобальные тенденции монетарной политики в период пандемии COVID-19 и в посткоронавирусной перспективе // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16. № 1. С. 129 – 139. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-1-129-139
9. Хмыз О.В. Дуальность современной монетарной политики развитых стран // Экономика. Налоги. Право. 2025. Т. 18. № 1. С. 41 – 52. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-1-41-52
10. Чижова М.К. Особенности использования отрицательных процентных ставок в денежно-кредитной политике в условиях ловушки ликвидности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 12. С. 506 – 510.
11. Чижова М.К. Участие Китая в создании новой реальности (финансовый аспект) // Экономика и предпринимательство. 2022. № 4 (141). С. 205 – 208.
12. Commodity Futures Modernization Act – Public Law №106-554, H.R. 4541, 2000. 8 p.
13. Derivatives Market Report 2025 (Global Edition). URL: <https://www.cognitivemarketresearch.com/derivatives-market-report> (дата обращения: 25.03.2025)
14. Derivatives Market Size, Share, Growth, Trends, Global Industry Analysis, By Type (Financial and Commodity), By Application (Hedging and Speculative Arbitrage), Regional Insights and Forecast From 2025 to 2033. URL: <https://www.businessresearchinsights.com/market-reports/derivatives-market-100600> (дата обращения: 25.03.2025)
15. Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act – Public Law №111-203, H.R. 4173, 2010. 849 p.
16. European Market Infrastructure Regulation – Regulation (EU) № 648/2012 of the European Parliament and of the Council, 2012. 59 p.
17. Exchange-traded derivatives statistics // BIS. URL: https://data.bis.org/topics/XTD_DER (дата обращения: 25.03.2025)
18. FY 2023 Market Highlights. 2023. WFE. URL: <https://www.world-exchanges.org/storage/app/media/v3.pdf> (дата обращения: 25.03.2025)
19. FY 2024 Market Highlights // WFE. URL: https://wfe-live.lon1.cdn.digitaloceanspaces.com/org_focus/storage/media/Cally2025.pdf (дата обращения: 25.03.2025)
20. Gandré P., Merrouche O., Mariathasan M., Ongena S. Unintended consequences of the global derivatives market reform. Journal of the European Economic Association. 2024. Vol. 22. No 6. P. 2467 – 2506. DOI: 10.1093/jeea/jvae010
21. Key trends in the size and composition of OTC derivatives markets in the second half of 2023 // ISDA. URL: <https://www.isda.org/2024/06/24/key-trends-in-the-size-and-composition-of-otc-derivatives-markets-in-the-second-half-of-2023/> (дата обращения: 25.03.2025)
22. Krylova L.V. (ed.), Sergeeva N.V. (ed.). Transformations in the global economy and global finance under the impact of Covid-19 pandemic: monograph. Riga: Scientific World, 2021. 220 p. ISBN 978-9934-9048-0-6
23. Liu Z., Xie Ch. Liquidity, capital requirements, and shadow banking. International Review of Economics & Finance. 2021. Vol. 76. P. 1379 – 1388. DOI: 10.1016/j.iref.2019.11.019
24. OTC derivatives statistics at end-December 2023 // BIS. URL: https://www.bis.org/publ/otc_hy2405.pdf (дата обращения: 25.03.2025)
25. OTC derivatives statistics at end-June 2024 // BIS. URL: https://www.bis.org/publ/otc_hy2411.pdf (дата обращения: 25.03.2025)
26. OTC derivatives statistics // BIS. URL: https://data.bis.org/topics/OTC_DER (дата обращения: 25.03.2025)
27. Resti A., Onado M., Quagliariello M., Molyneux P. Shadow Banking: what kind of Macroprudential Regulation Framework? Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies Directorate-General for Internal Policies, 2021. 148 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/662925/IPOL_STU\(2021\)662925_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/662925/IPOL_STU(2021)662925_EN.pdf) (дата обращения: 25.03.2025)

References

1. Burenin A.N. Securities and Derivatives Market. Moscow: Scientific and Technical Society named after Academician S.I. Vavilov, 2009. 418 p.
2. Burenin A.N. Forward, Futures and Options Markets. Moscow: Scientific and Technical Society named after Academician S.I. Vavilov, 2015. 420 p.
3. Burenin A.N. Forwards, Futures, Options, Exotic and Weather Derivatives. Moscow: Scientific and Technical Society named after Academician S.I. Vavilov, 2005. 540 p.
4. Galanov V.A. Derivatives. Moscow: INFRA-M, 2021. 221 p.
5. International monetary and credit relations: in 2 parts. Part 2. Edited by V.D. Milovidov, O.V. Khmyz. Moscow: MGIMO-University, 2025. 390 p.
6. International financial market. edited by E.A. Zvonova, M.A. Eskindarov. Moscow: Yurait, 2019. 453 p.
7. Khmyz O. Institutional investors in the stock market. Issues of Economy. 2003. No. 8. P. 95 – 101. DOI: 10.32609/0042-8736-2003-8-95-101
8. Khmyz O.V. Global trends in monetary policy during the COVID-19 pandemic and in the post-coronavirus perspective. Economy. Taxes. Law. 2023. Vol. 16. No. 1. P. 129 – 139. DOI: 10.26794/1999-849X 2023-16-1-129-139
9. Khmyz O.V. Duality of modern monetary policy of developed countries. Economy. Taxes. Law. 2025. Vol. 18. No. 1. P. 41 – 52. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-1-41-52
10. Chizhova M.K. Features of the use of negative interest rates in monetary policy in the context of a liquidity trap. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024. No. 12. P. 506 – 510.
11. Chizhova M.K. China's Participation in the Creation of a New Reality (Financial Aspect). Economy and Entrepreneurship. 2022. No. 4 (141). P. 205 – 208.
12. Commodity Futures Modernization Act – Public Law No. 106-554, H.R. 4541, 2000. 8 p.
13. Derivatives Market Report 2025 (Global Edition). URL: <https://www.cognitivemarketresearch.com/derivatives-market-report> (access date: 03.25.2025)
14. Derivatives Market Size, Share, Growth, Trends, Global Industry Analysis, By Type (Financial and Commodity), By Application (Hedging and Speculative Arbitrage), Regional Insights and Forecast From 2025 to 2033. URL: <https://www.businessresearchinsights.com/market-reports/derivatives-market-100600> (access date: 03/25/2025)
15. Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act - Public Law No. 111-203, H.R. 4173, 2010. 849 p.
16. European Market Infrastructure Regulation – Regulation (EU) No. 648/2012 of the European Parliament and of the Council, 2012. 59 p.
17. Exchange-traded derivatives statistics. BIS. URL: https://data.bis.org/topics/XTD_DER (accessed: 25.03.2025)
18. FY 2023 Market Highlights. 2023. WFE. URL: <https://www.world-exchanges.org/storage/app/media/v3.pdf> (accessed: 25.03.2025)
19. FY 2024 Market Highlights. WFE. URL: https://wfe-live.lon1.cdn.digitaloceanspaces.com/org_focus/storage/media/Cally2025.pdf (access date: 03/25/2025)
20. Gandré P., Merrouche O., Mariathasan M., Ongena S. Unintended consequences of the global derivatives market reform. Journal of the European Economic Association. 2024. Vol. 22. No. 6. P. 2467 – 2506. DOI: 10.1093/jeea/jvae010
21. Key trends in the size and composition of OTC derivatives markets in the second half of 2023. ISDA. URL: <https://www.isda.org/2024/06/24/key-trends-in-the-size-and-composition-of-otc-derivatives-markets-in-the-second-half-of-2023/> (access date: 03/25/2025)
22. Krylova L.V. (ed.), Sergeeva N.V. (ed.). Transformations in the global economy and global finance under the impact of Covid-19 pandemic: monograph. Riga: Scientific World, 2021. 220 rub. ISBN 978-9934-9048-0-6
23. Liu Z., Xie Ch. Liquidity, capital requirements, and shadow banking. International Review of Eco-nomics & Finance. 2021. Vol. 76. P. 1379 – 1388. DOI: 10.1016/j.iref.2019.11.019
24. OTC derivatives statistics at end-December 2023. BIS. URL: https://www.bis.org/publ/otc_hy2405.pdf (accessed on 25.03.2025)
25. OTC derivatives statistics at end-June 2024. BIS. URL: https://www.bis.org/publ/otc_hy2411.pdf (accessed on 25.03.2025)

26. OTC derivatives statistics. BIS. URL: https://data.bis.org/topics/OTC_DER (access date: 03.25.2025)
27. Resti A., Onado M., Quagliariello M., Molyneux P. Shadow Banking: what kind of Macroprudential Regulation Framework? Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies Directorate-General for Domestic Policies, 2021. 148 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/662925/IPOL_STU\(2021\)662925_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2021/662925/IPOL_STU(2021)662925_EN.pdf) (date of access: 03.25.2025)

Информация об авторе

Гайдук В.М., Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, nikogaid@yandex.ru

© Гайдук В.М., 2025